

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

От импликатуры к экспликатуре: прагматика недомолвок как ключ к переводу концепта «презрение» в одноименном романе А. Моравиа

Р.А. Геласимов✉

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация
✉ ra.gelasimov@mpgu.su

Резюме

Контекст и актуальность. Исследование выполнено в русле лингвопрагматики и когнитивной лингвистики. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения механизмов вербализации сложных психологических концептов через импликатуры и проблем их передачи в переводе. **Цель.** Проанализировать, как импликатуры, вербализующие концепт «презрение» в романе Моравиа, трансформируются в переводе через стратегии экспликации. **Гипотеза.** Концепт «презрение» преимущественно реализуется посредством системы импликатур, а его адекватная передача в переводе требует стратегической экспликации скрытых смыслов. **Методы и материалы.** Методы включают прагмалингвистический анализ импликатур и сопоставительный анализ переводческих трансформаций. Материал – оригинал романа и его перевод Г.Д. Богемского и Р.И. Хлодовского. **Результаты.** Выявлены ключевые стратегии перевода, а именно – частичная экспликация имплицитных смыслов и сохранение импликатуры с компенсацией в других элементах текста. **Выводы.** Экспликация импликатур является необходимым, но недостаточным условием адекватного перевода концепта «презрение». Оптимальной стратегией признано сочетание точечной экспликации с сохранением имплицитности ключевых смыслов.

Ключевые слова: импликатура, экспликатура, лингвопрагматика, сопоставительный анализ

Для цитирования: Геласимов, Р.А. (2025). От импликатуры к экспликатуре: прагматика недомолвок как ключ к переводу концепта «презрение» в одноименном романе А. Моравиа. *Язык и текст*, 12(4), 9–21. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120401>

From implicature to explicature: the pragmatics of omissions as the key to translating the concept of "contempt" in the novel by A. Moravia

R.A. Gelasimov✉

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

✉ ra.gelasimov@mpgu.su

Abstract

Context and relevance. The research was carried out in line with linguopragmatics and cognitive linguistics. The relevance of the work is due to the need to study the mechanisms of verbalization of complex psychological concepts through implicatures and the problems of their transmission in translation. **Goal.** To analyze how the implicatures verbalizing the concept of "contempt" in Moravia's novel are transformed in translation through explication strategies. **Hypothesis.** The concept of "contempt" is realized mainly through a system of implicatures, and its adequate transmission in translation requires a strategic explication of hidden meanings. **Methods and materials.** The methods include a pragmalinguistic analysis of implications and a comparative analysis of translation transformations. The material is the original novel and its translation by G. Bohemsky and R. Khlodovsky. **Results.** The key translation strategies are identified, namely partial explication of implicit meanings and preservation of the implication with compensation in other elements of the text. **Conclusions.** Explication of implicatures is a necessary but insufficient condition for an adequate translation of the concept of "contempt". The optimal strategy is considered to be a combination of punctual explication while maintaining the implicitness of key meanings.

Keywords: implicature, explicature, linguistic pragmatics, comparative analysis

For citation: Gelasimov, R.A. (2025). From implicature to explicature: the pragmatics of omissions as the key to translating the concept of "contempt" in the novel by A. Moravia. *Language and Text*, 12(4), 9—21. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120401>

Введение

Термин «прагматика» (от др.-греч. — дело, действие) был введен в научный оборот американским ученым Чарлзом Уильямом Моррисом, согласно которому теория знака складывается из трех частей: синтактика (отношения между знаками), семантика (отношения знаков к объектам) и прагматика (отношения между знаками и говорящим).

Возникнув во второй половине XX века в русле коммуникативно-функционального языкознания, лингвистическая прагматика представляет собой междисциплинарную область исследований, фокусирующуюся на изучении «отношений между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий/пишущий, слушающий/читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания» (Сусов, 1997).

Как справедливо замечает Б.Ю. Норман, «Лингвистическая прагматика – одно из наиболее перспективных направлений современного языкознания. Как составная часть она входит в теорию языка и изучается в курсе общего языкознания» (Норман, 2009).

Будучи относительно молодым направлением, лингвистическая прагматика продолжает являться объектом множества научных дискуссий касательно своего статуса и методологических границ в системе языковых наук.

В центре ее внимания находится язык в его практическом использовании, неразрывно связанном с конкретными условиями коммуникативной ситуации. Данный подход позволяет изучать не только структуру языковой системы, но и механизмы ее применения носителями в разнообразных контекстах.

Ключевым для прагматики является понятие прагматической компетенции – способности говорящего адекватно использовать языковые средства в соответствии с коммуникативными нормами и ситуативными условиями. Эта способность включает умение верно интерпретировать высказывания, учитывать контекст и цели общения, а также применять уместные для данной лингвистической ситуации коммуникативные стратегии.

Методы прагматического анализа дают исследователям инструментарий для понимания механизмов коммуникации, причин возникновения коммуникативных неудач и путей оптимизации речевого взаимодействия. Значимость прагматики заключается не только в возможности анализа текстов, но и в ее прикладном потенциале для задач перевода и интерпретации.

Таким образом, лингвистическая прагматика играет значительную роль в современной науке о языке, раскрывая механизмы функционирования языковых структур в условиях реального общения.

Применительно к переводу прагматический подход требует учета не только лексико-грамматического содержания текста, но и широкого контекста, интенций автора и ожиданий реципиента. Переводчик должен передавать не только прямое значение единиц, но и их имплицитные смыслы, включая культурно-специфические коннотации.

Именно поэтому переводчику, помимо глубокого понимания языка, также необходимо быть знакомым с культурой, традициями и коммуникативными стереотипами. Обладание знанием межкультурных различий в использовании языка помогает избежать ошибок, связанных с «ложными друзьями переводчика» – словами и выражениями, схожими по форме, но различными по значению и употреблению.

Следовательно, лингвистическая прагматика оказывает существенное влияние на качество перевода, способствуя адекватной передаче не только языковой формы, но и исходного замысла, вложенного автором в текст.

Материалы и методы

Корпус исследовательских материалов включает в себя следующие компоненты:

Первичные текстовые источники представлены оригинальным итальянским текстом романа Альберто Моравиа «Il disprezzo», изданным в 1954 году, и его переводом на русский язык, выполненным Г.Д. Богемским и Р.И. Хлодовским в 1978 году.

Аналитические единицы исследования охватывают:

- Диалогические единства, извлеченные из ключевых сцен романа;

- Контекстуальные фрагменты, содержащие различные вербализации концепта «презрение»;
- Прагматические маркеры, сигнализирующие о наличии имплицитных смыслов.

В области прагмалингвистического анализа применяются:

- Методика выявления импликатур через систематическое нарушение максим Грайса;
- Инструментарий анализа речевых актов в рамках теории Остина-Серля;
- Процедура идентификации стратегий вежливости и невежливости.

Контекстуальный анализ предусматривает применение:

- Методики исследования роли лингвистического и культурного контекста;
- Подходов к анализу интертекстуальных связей и способов их передачи.

Процедура анализа реализуется через последовательные этапы:

- Идентификация и категоризация импликатур в оригинальном тексте;
- Многоаспектный анализ их прагматических функций;
- Детальное сопоставление с переводческими решениями;
- Комплексная оценка адекватности передачи концептуального содержания.

Результаты

В середине XX века лингвистика переживала «прагматический поворот», и ключевую роль в этом сыграли работы Герберта Пола Грайса – философа и лингвиста, чья теория импликатур позволила по-новому взглянуть на природу человеческого общения.

Одной из ключевых прижизненных публикаций Г.П. Грайса стала написанная в соавторстве с П.Ф. Стросоном полемическая статья «In defence of a dogma» («В защиту догмы»), представляющая собой ответ на знаменитый труд У.В.О. Куайна «Две догмы эмпиризма». Однако центральные для его научного наследия концепции, такие как теория коммуникативной импликатуры, были впервые сформулированы позднее – в работе 1961 года «The Causal Theory Of Perception», а затем получили фундаментальное развитие в курсе лекций Уильяма Джеймса, прочитанном в Гарвардском университете в 1967 году.

Методологическая позиция Грайса складывалась под влиянием поздних трудов Л. Витгенштейна, в частности его тезиса о том, что значение слова определяется его употреблением в языке. Вслед за этим Грайс связывает смысл высказывания не с его изолированным содержанием, а с системой прагматических ожиданий и конвенций, регулирующих коммуникацию. Иллюстрацией этого подхода может служить высказывание «он еще не сел в тюрьму». Его буквальная семантика указывает на то, что определенное лицо не подвергалось тюремному заключению. Однако на уровне речевой практики та же фраза регулярно имплицитно несет иной смысл – например, что данное лицо уже совершило правонарушение или с высокой вероятностью совершит его в будущем, то есть оно обладает соответствующим поведенческим или социальным статусом.

В основе теории речевой коммуникации лежит понятие коммуникативного кодекса – нормативной системы, регулирующей осознанное речевое взаимодействие участников диалога. Данный кодекс служит инструментом для анализа стратегий речевого поведения и оценки их коммуникативной эффективности. Теоретический фундамент кодекса составляют два взаимодополняющих принципа: кооперативный принцип Г.П. Грайса, определяющий

рациональные основы обмена информацией, и принцип вежливости Д. Лича, описывающий этические аспекты межличностного взаимодействия.

Если Грайс формулирует максимы информационного сотрудничества, то Лич систематизирует максимы социального позиционирования коммуникантов. Важно подчеркнуть, что данные максимы носят универсальный характер и не зависят от культурной специфики общения. Центральным элементом, организующим всю структуру коммуникативного кодекса, выступает категория интенции – целенаправленного речевого намерения говорящего.

Фундаментальной предпосылкой кооперативного принципа является концепция диалогического взаимодействия как формы совместной деятельности. В рамках этого подхода каждый участник коммуникации вносит целенаправленный речевой вклад, исходя из признания общих интенций и стратегических ориентиров беседы. Данный принцип, таким образом, отражает фундаментальную установку коммуникантов на продуктивное взаимодействие и взаимопонимание.

Сам Грайс формулировал суть этого принципа следующим образом: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) разговора, в котором ты участвуешь».

Грайс ввел четыре максимы, которые, в свою очередь, подразделяются на постулаты, достижение которых способствует полному соблюдению принципа:

1. Максима качества информации:

- a. Не говори того, что считаешь ложным.
- b. Не говори того, в чем сомневаешься, для доказательства чего нет исчерпывающих аргументов.

2. Максима количества информации:

- a. Изложи не меньше информации, чем требуется.
- b. Изложи не больше информации, чем требуется.

3. Максима релевантности:

- a. Не отходи от темы.

4. Максима ясности:

- a. Будь последовательным.
- b. Избегай неясности.
- c. Избегай двусмысленности.
- d. Будь краток.
- e. Будь систематичен.

В процессе живой коммуникации участники диалога далеко не всегда строго следуют всем установленным максимам, однако сама ориентация на них обеспечивает поддержание продуктивного контакта между собеседниками. Критически важным при этом остается соблюдение баланса между фоновыми знаниями аудитории и новой информацией.

Существенным аспектом функционирования максим является их потенциальная конфликтность. Различные коммуникативные стратегии участников могут приводить к одновременному нарушению разных принципов – например, когда один собеседник пренебрегает максимой количества, а другой – максимой качества, что в результате приводит к коммуникативной неудаче. Иллюстрацией такого сбоя может служить следующий диалог:

– Не будете ли вы так любезны рассказать нам, как вы добрались от вокзала до нас?

– Пешком.

Принцип вежливости Д. Лича выражает некий эталон взаимного отношения собеседников друг к другу, который способствует успеху коммуникации. Он отсылает к этическим нормам. В него включены:

1. Максима такта (соблюдение границ частных речевых интересов).
2. Максима великодушия (соблюдение позиций равенства в диалоге).
3. Максима одобрения (соблюдение позитивного настроения в отношении позиции собеседника).
4. Максима скромности (контроль самооценки, ее реалистичное представление).
5. Максима согласия (направленность на поиск компромисса).
6. Максима симпатии (выражение благожелательного отношения к собеседнику и его позиции).

Отступление от требований коммуникативного кодекса способно оказывать конструктивное влияние на эффективность речевого взаимодействия. Данный феномен обусловлен психологическими механизмами обработки информации реципиентом. Ярким примером служит намеренное нарушение максимы ясности, постулированной П. Грайсом, которое наблюдается при сознательном применении эвфемистических оборотов. Такие косвенные номинации позволяют адресанту донести до аудитории социально табуированную или эмоционально заряженную информацию, минимизируя возможный негативный эффект.

Аналогичным образом максима количества информации часто подвергается целенаправленному нарушению в рекламном дискурсе. Создатели коммерческих сообщений умышленно прибегают к приемам умолчания и намеренной недосказанности, чтобы стимулировать познавательную активность аудитории и усилить ее вовлеченность в процесс декодирования скрытых смыслов.

В рамках теории речевой коммуникации под коммуникативной импликатурой понимается смысловой компонент, извлекаемый реципиентом не из буквального содержания высказывания, а из способа его презентации в конкретном коммуникативном контексте. Данный феномен представляет собой неотъемлемый элемент повседневного общения, однако люди далеко не всегда отмечают, хотя бы и у себя в голове, его использование. Характерной иллюстрацией служит ситуация, когда на вопрос «Не могли бы вы закрыть дверь?» адресат не дает вербального ответа, а совершает соответствующее физическое действие. Несмотря на грамматическую форму вопроса, прагматическая интерпретация позволяет распознать в нем просьбу.

Важнейшим свойством импликатуры является ее принципиальная отрицаемость – в силу имплицитного характера передаваемого смысла говорящий сохраняет возможность отказаться от приписываемого ему коммуникативного намерения.

Г.П. Грайс выделял два фундаментальных типа импликатур: конвенциональные и неконвенциональные.

Конвенциональные импликатуры актуализируются благодаря наличию общих фоновых знаний и соблюдению принципа кооперации участниками коммуникативного акта. Их отличие от пресуппозиций заключается в степени очевидности дополнительного смысла: если

пресуппозиция содержит тривиальную информацию, то имплицатура требует от слушающего активной интерпретационной работы для выявления намеренно или непреднамеренно вложенного смысла. Например, вопрос милиционера в фильме «Берегись автомобиля» «Вы сами по утрам умываетесь?» имплицитно сообщает водителю о неудовлетворительном санитарном состоянии транспортного средства. Аналогичным образом высказывание «Душно!» содержит имплицатуру просьбы об открытии окна, тогда как его пресуппозицией выступает отнесенность утверждения к помещению, где происходит беседа.

Неконвенциональные имплицатуры (также известные как «имплицатуры общения» или «имплицатуры дискурса») характеризуются значительным расхождением между буквальным и подразумеваемым смыслом, вплоть до их прямой противоположности, что особенно ярко проявляется в иронических высказываниях. Так, фраза «Ты – настоящий друг» может приобретать диаметрально противоположное значение в ситуации, когда адресат ранее совершил предательство, например, разгласил конфиденциальную информацию.

Рассмотренные теоретические положения лингвопрагматики находят свое яркое и полное воплощение в художественной практике. Идеальным материалом для демонстрации взаимодействия имплицатур, речевых актов и принципа кооперации служит роман Альберто Моравиа «Презрение» – произведение, где коммуникативный провал становится главным сюжетообразующим элементом.

Формирование замысла и поэтики романа «Презрение» (1954) обусловлено сложным переплетением творческих, интеллектуальных и биографических факторов, характеризующих зрелый этап писательской эволюции Альберто Моравиа.

Создание романа приходится на период творческой переориентации писателя. Пройдя этап неореализма, Моравиа обращается к интроспективной прозе, где фокус смещается с широкой социальной панорамы на микроанализ частной жизни. «Презрение» становится художественным манифестом этого поворота, концентрируясь на деструкции межличностных связей и феноменологии отчуждения в пространстве буржуазного брака.

Глубокий интерес Моравиа к кинематографу оказал значительное влияние на текст романа. Роман выстроен вокруг рефлексии о природе творчества, где сталкиваются разные модели эстетического сознания: фигура продюсера Баттисты олицетворяет коммодификацию искусства; образ режиссера Рейнгольда воплощает трагедию художника в условиях диктата рынка. Сценарий по «Одиссее» функционирует в повествовании как структурная метафора, проецирующая вечный миф о верности и возвращении в убогую реальность супружеской измены и экзистенциального краха.

Особая судьба романа в культуре определилась его экранизацией Жан-Люком Годаром (1963), подтвердившей имманентную кинематографичность нарративной структуры Моравиа. Для русскоязычного читателя роман существует в единственном переводе, выполненном в 1978 году Г.Д. Богемским и Р.И. Хлодовским, что делает анализ переводческих решений особенно актуальной научной задачей.

Данный историко-культурный фон позволяет перейти к конкретному анализу лингвопрагматических механизмов, определяющих художественное своеобразие диалогического дискурса в романе.

Обсуждение результатов

В четвертой главе Эмилия дает Риккардо первый большой повод для беспокойства. Она, вдруг, решила спать отдельно от мужа. Приведем здесь этот диалог, опустив описания, которые сейчас интересуют нас в меньшей степени:

- *Ma che fai?*
- *Non ti offendi mica se dormo sul divano-letto, di là?*
- *Per stanotte?*
- *No, per sempre.*
- *Что ты делаешь?*
- *Ты не обидишься, если я буду спать на диване?*
- *Нынче ночью?*
- *Нет, всегда.*

Из этого небольшого отрывка мы можем умозаключить, что Эмилия нарушает максимум количества информации дважды. Первый раз, когда говорит: «No, per sempre», то есть «Нет, всегда», в ответ на вопрос мужа, будет ли она спать на диване лишь эту, одну ночь. И затем, когда начинает долго и сбивчиво объяснять причину. Сказав: «Нет, всегда», Эмилия и сама понимает, что она нарушила постулат количества и этим она заденет своего мужа Риккардо, поэтому она тут же бросается в противоположную крайность и начинает нарушать постулат количества уже с другой его стороны «не говори больше, чем требуется». Риккардо, будучи интеллигентом и человеком, который работает со словом, сразу же понимает, во всяком случае частично, что Эмилия использует неконвенциональные импликатуры. Также следует отметить, что Эмилия нарушает одно из правил максимы ясности, а именно «избегай двусмысленности», когда говорит: «Нет, всегда». Требуется объяснить: Риккардо поражен поведением жены в тот момент, когда она заявляет о том, что будет спать одна, и уже воспринимает это как разрыв между ними, именно поэтому ответ супруги «Нет, всегда» он считает, если позволите, как последний гвоздь в крышку гроба их отношений. Последующие слова Эмилии только подтверждают его мысли и чувства:

- *Non avevo mai avuto il coraggio di dirtelo, ella rispose abbassando gli occhi, senza guardarmi.*
- *Я все никак не могла решиться сказать тебе об этом, проговорила Эмилия, опустив глаза и не глядя на меня.*

Здесь Эмилия снова нарушает максимум ясности. Желание спать в том или ином месте помещения не требует «храбрости» или «отваги». Пусть даже и нужно сообщить об этом супругу. Эмилия же говорит об этом именно таким образом, подчеркивая, как сложно было ей решиться на такой шаг. Но речь идет вовсе не о месте для сна, а о вербализации концепта «презрение». Во всяком случае, Риккардо считает это так, и, судя по дальнейшим событиям, он оказывается прав в своих размышлениях. Несмотря на поведение и использование импликатур, Риккардо начинает понимать, что жена его презирает.

Четвертая глава романа характеризуется большим количеством употребления импликатур. Диалог-поединок супругов продолжается:

- *Durante questi anni, insistetti, non ti eri mai lagnata... credevo che ti fossi abituata.*
- *Но прежде, продолжал я, ты никогда не жаловалась. Я считал, что ты привыкла.*

Риккардо частично нарушает первый пункт максимы качества информации, а именно: «Не говори того, что считаешь ложным». Он идет на это, так как предмет разговора для него крайне неприятен. Протагонист прибегает к использованию риторического утверждения, чтобы, возможно, не имея такую интенцию, вернуть разговор в более приятное для него русло. Импликатура же, то есть то, что Риккардо действительно хотел сказать, может выглядеть следующим образом: «Я не хочу всерьез рассматривать, что ты говоришь, так как ты сказала это слишком поздно». Также хотелось бы отметить перевод глагола «insistere», стоящего во времени *passato remoto*, в личной форме, в первом лице, единственного числа. «Insistetti» – «продолжал». Первое, что следует отметить, это то, что в русском варианте перевода глагол стоит в несовершенном виде «продолжал» вместо совершенного вида «продолжил». Согласно учебнику «Практический курс итальянского языка» Ю.А. Добровольской, «*Passato remoto* выражает завершённое действие в прошлом, не связанное с моментом речи». Далее следует обсудить перевод глагола «insistere». Как указано в «Новом Большом Итальянско-Русском Словаре», этот глагол обладает тремя значениями: 1) Настаивать; 2) Упорствовать; 3) Опирается. Последнее значение является устаревшим. Как видно из вышесказанного, значения «Продолжать» у этого глагола нет. В тексте перевода частично теряется импликатурное значение риторического утверждения Риккардо, так как «продолжать» является гораздо менее конфликтообразующим действием, нежели «настаивать».

Эмилия не собирается сдавать позиций и идет дальше:

- *Non mi sono mai abituata... ho sempre dormito male... da ultimo, poi, forse perché sono diventata nervosa, non dormivo quasi niente...*

- *Нет, я никак не могу привыкнуть... Я все время спала плохо... Возможно, именно поэтому я стала такой нервной...*

Эмилия в очередной раз нарушает максиму количества информации. Она излагает больше информации, чем требуется. Делает это она, что кажется очевидным, для того, чтобы скрыть истинную причину своего поведения. Также Эмилия нарушает максиму релевантности – отходит от основной темы разговора. Точнее пытается сделать так, чтобы основная тема разговора базировалась на ощущении физического дискомфорта от неправильного сна. Эти попытки Эмилии и чрезмерно ажитированное поведение ее мужа каждый раз неизбежно приводят их к коммуникативной неудаче.

Риккардо продолжает:

- *...se vuoi, posso benissimo rinunciare a dormire con la finestra aperta... va bene... d'ora in avanti dormiremo con la finestra chiusa.*

- *если тебе так уж хочется, я могу спать и с закрытыми окнами... Ну, хорошо, с сегодняшнего дня мы будем спать с закрытыми окнами.*

В этом фрагменте Риккардо нарушает несколько постулатов максимы ясности. Во-первых, «Будь краток». Риккардо не идет самым коротким путем, то есть «Будем спать с закрытым окном». Вместо этого он насыщает свое согласие лишними для данной диалоговой ситуации словами, такими как: «Если тебе так уж хочется», «Ну, хорошо». Это многословие, опять же именно для этого момента диалога, является сигналом. Сигналом того, что согласие далось ему нелегко, что происходила некая внутренняя борьба. Во-вторых, Риккардо нарушает постулаты «Будь последовательным» и «Будь систематичен». Фразы «Если тебе так уж хочется» и «Ну, хорошо» без сомнения несут в себе маркеры уступки. Слова протагониста не

дают новую конкретную информацию Эмилии, а нужны лишь для создания имплицатуры: Риккардо согласен спать с закрытым окном, но ему это совсем не нравится. Если принять трактование имплицатуры за истинное, то необходимо упомянуть и о переводе. В отличие от предыдущего примера «*insistetti* – продолжал», в данном фрагменте русский вариант перевода, наоборот, делает имплицатурность более явной. В русском переводе фраза Риккардо «*Se vuoi*» звучит «Если тебе так уж хочется». Из-за появления «так уж» согласие протагониста является вымученным. Оригинал «Если хочешь» звучит куда более дружелюбно и примирительно. Хотя стоит отметить, что по атмосфере диалога в этот момент «так уж» как будто бы действительно присутствует в словах Риккардо. Далее следует сказать про опущенное в переводе прилагательное «*benissimo*», что в свою очередь тоже придавало Риккардо больше уступчивости в тексте оригинала. Отсутствие этого слова в тексте перевода делает Риккардо более враждебным, чем он мог бы быть. То же самое касается «Ну, хорошо». «*Va bene*» в тексте оригинала следует перевести как «хорошо». Присутствие этого междометия снова делает Риккардо менее уступчивым и дружелюбным.

Далее идет реплика Эмилии касательно жертвы, которую якобы хочет совершить супруг:

- *Ma no... perché devi sacrificarti... tu stesso hai sempre detto che con le finestre chiuse ti senti soffocare... è meglio che dormiamo separati.*

- *О нет... Почему ты должен жертвовать собой... Ты всегда говорил, что задыхаешься, когда окна закрыты... Лучше уж нам спать врозь.*

В данной фразе Эмилия в очередной раз мастерски нарушает несколько максим и постулатов. Делает она это для того, чтобы продемонстрировать свою непреодолимую отстраненность. Эмилия намеревается разрушить логику «жертвенности» Риккардо. Разберем ее намерения по частям: «*Ma no... perché devi sacrificarti*» – «О нет... Почему ты должен жертвовать собой». В первую очередь стоит отметить нарушение максимы релевантности «Не отходи от темы». Вместо прямого ответа на готовность мужа совершить жертву ради ее же собственного удобства Эмилия задает встречный, риторический вопрос. Вместо обсуждения конкретики «окно – закрыть / открыть» она переводит разговор на мета-уровень, тем самым ставя под вопрос уместность его жертвы. Далее следует сказать о нарушении максимы качества информации. Несмотря на то, что ее вопрос может быть считан реципиентом как проявление заботы: «Почему ты должен жертвовать собой», прагматический смысл ее высказывания кроется в другом, а именно в том, что она отказывает и разоблачает истинные интенции супруга. Следующая часть этой реплики, которую мы рассмотрим, будет: «*è meglio che dormiamo separati*» – «Лучше уж нам спать врозь». Здесь Эмилия нарушает несколько постулатов максимы ясности, а именно: «Избегай неясности», «Избегай двусмысленности». Она не говорит прямо и ясно: «Я хочу спать отдельно», она не предлагает: «Давай спать отдельно». Вместо этого она использует безличную конструкцию «Лучше уж», как будто это решение принято кем-то другим или продиктовано самой логикой вещей.

Далее Риккардо все еще пытается убедить Эмилию в своей искренности:

- *Ti assicuro che per me sarà un sacrificio molto lieve... mi abituerò.*

- *Уверяю тебя, мне легче этим пожертвовать... я привыкну.*

В очередной раз стоит отметить, что Риккардо нарушает максиму качества информации. Он уже не верит в то, что говорит. Риккардо на данном этапе разговора интересно, что будет отвечать супруга на его неискренние жертвы.

Эмилия не заставляет себя ждать:

- *No, non voglio alcun sacrificio... né grande, né piccolo... dormirò nel salotto.*

- *Нет, я не желаю никаких жертв... ни маленьких, ни больших... я буду спать в гостиной.*

Идеальная иллюстрация нарушения максимы количества информации. Лаконичный, абсолютный и окончательный отказ. Именно то, что Риккардо, возможно, сам того не ведая, хотел получить. Фраза «né grande, né piccolo» стилистически выверена и звучит как приговор отношениям супругов.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что Эмилия не просто пытается настоять на своей позиции касательно бытового удобства, она проводит тотальную деконструкцию коммуникативной стратегии Риккардо. Эмилия не следует принципу кооперации не потому, что не умеет говорить ясно, а потому, что ее задача – продемонстрировать тотальный разрыв между супругами не только в бытовом плане, но даже на уровне коммуникативной удачи / неудачи. Также следует сказать, что Эмилия «выигрывает» этот диалог-поединок. Ее речевые акты нацелены на разрушение системы общения, которая была выстроена до этого обоими супругами. Имплицатурность ее высказываний не только несет скрытый смысл, что естественно для любой имплицатуры, но и направлена на то, чтобы поставить точку в отношениях между супругами. Риккардо же чувствует эту направленность, но пока не до конца ее осознает.

Также следует сказать, что проведенный анализ позволяет нам сделать несколько принципиально важных выводов: во-первых, концепт «презрение» в произведении Альберто Моравиа существует по большей части не в самих словах, а в паузах между ними. «Презрение» зарождается в области недосказанности, в бесчисленных нарушениях правил коммуникации и в постоянной имплицатурности сказанного. Во-вторых, имплицатура не является непере译имой, однако ее реконструкция в русском переводе требует не буквализма, а высочайшей прагматической чуткости. Перед переводчиком неизменно встает дилемма: сохранить имплицатуру в максимально приближенном к оригиналу варианте или же пойти на экспликацию, тем самым прояснив, хотя бы частично, смысл, который автор оригинального текста хотел оставить скрытым.

Примеры, приведенные в данной статье, иллюстрируют, что Георгий Дмитриевич Богемский и Руф Игоревич Хлодовский в подавляющем большинстве случаев прекрасно справляются с поставленной задачей. Лишь в некоторых фразах Эмилии и Риккардо переводчики прибегают к стратегии умеренной экспликации. Добавляются частицы и междометия, которые немного «разогревают» выверенные реплики Эмилии, местами делая подтекст более явным, что, несомненно, может привести к большему пониманию и отклику со стороны русскоязычного читателя.

Исходя из всего вышесказанного, необходимо отметить, что адекватный перевод – это всегда тонкий баланс между имплицатурой и эксплицатурой. Находясь в лингвистическом пространстве недомолвок и недосказанности, переводчик фактически передает саму суть межличностного конфликта. Применяя лингвопрагматический анализ к тексту романа «Презрение» Альберто Моравиа, можно прийти к выводу, что анализ этот становится не просто инструментом описания, но и ключом к пониманию глубинных механизмов художественного текста и стратегий его межъязыкового воплощения.

Геласимов Р.А. (2025)
От имплицатуры к эксплицатуре: прагматика недомолвок
как ключ к переводу концепта «презрение» в
одноименном романе А. Моравиа
Язык и текст, 12(4), 9—21.

Gelasimov R.A. (2025)
From implicature to explicature: the pragmatics of
omissions as the key to translating the concept of
"contempt" in the novel by A. Moravia
Language and Text, 12(4), 9—21.

Список источников / References

1. Грайс, Г.П., Стросон, П.Ф. (2012). *Эпистемология и философия науки*, 22, 2, 206-223.
Grice, G.P., Strawson, P.F. (2012). *Epistemology and philosophy of science*, 22, 2, 206-223 (In Russ.).
2. Добровольская, Ю.А. (2005). *Практический курс итальянского языка*. М.: Цитадель-трейд. Ростов н/Д: Феникс.
Dobrovolskaya, Yu.A. (2005). *Practical Italian language course*. Moscow: Citadel-trade. Rostov n/D: Fenix (In Russ.).
3. Зорько, Г.Ф. (2011). *Новый большой итальянско-русский словарь*. М.: Дрофа; Рус. яз. – Медиа.
Zorko, G.F. (2011). *The new big Italian-Russian dictionary*. Moscow: Drofa; Russian language – Media (In Russ.).
4. Куайн, У.В.О. (2000). *Две догмы эмпиризма*. М.: Логос, Праксис.
Quine, W.V.O. (2000). *Two Dogmas of Empiricism*. Logos, Praxis. (In Russ.).
5. Моравиа, А. (1978). *Римлянка, Презрение, рассказы*. Москва. Прогресс.
Moravia, A. (1978). *Roman woman, Contempt, short stories*. Moscow. Progress. (In Russ.).
6. Норман, Б.Ю. (2009). *Лингвистическая прагматика на материале русского и других славянских языков*. М.: Издательский центр Белорусского государственного университета.
Norman, B.Y. (2009). *Linguistic pragmatics based on the material of Russian and other Slavic languages*. Moscow: Publishing Center of the Belarusian State University. (In Russ.).
7. Серль, Дж., Вандервекен, Д. (1986). Основные понятия исчисления речевых актов. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка*. М.: Прогресс, 242-263.
Searle, J., Vanderveken, D. (1986). Basic concepts of speech act calculus. *New in foreign linguistics. Issue 18. Logical analysis of natural language*. Moscow: Progress, 242-263. (In Russ.).
8. Сусов, И.П. (1997). *Общее языкознание. Ч. 2: Европейское и американское языкознание XIX–XX вв. Программно-справочное пособие*. Тверь: ТвГУ.
Susov, I.P. (1997). General Linguistics. Part 2: *European and American linguistics of the XIX–XX centuries. Software reference manual*. Tver: TvGU. (In Russ.).
9. Moravia, A. (1989). *Il disprezzo*. Tascabili Bompiani.
10. Treccani, G. (2005). *Treccani. Enciclopedia Italiana di Scienze, Lettere ed Arti*. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana Treccani.

Геласимов Р.А. (2025)
От импликатуры к экспликатуре: прагматика недомолвок
как ключ к переводу концепта «презрение» в
одноименном романе А. Моравиа
Язык и текст, 12(4), 9—21.

Gelasimov R.A. (2025)
From implicature to explicature: the pragmatics of
omissions as the key to translating the concept of
"contempt" in the novel by A. Moravia
Language and Text, 12(4), 9—21.

Информация об авторе

Роман Андреевич Геласимов, аспирант кафедры теории и практики перевода и коммуникации, старший преподаватель кафедры контрастивной лингвистики, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0167-2527>, e-mail: ra.gelasimov@mpgu.su

Information about the author

Roman A. Gelasimov, PhD Student at the Department of Theory and Practice of Translation and Communication, Senior Lecturer at the Department of Contrastive Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University (Moscow Pedagogical State University), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0167-2527>, e-mail: ra.gelasimov@mpgu.su

Поступила в редакцию 01.11.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.11.01
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05